

Ань Тянь неспешно начал перечислять блюда:

— Жареная баранина, жареная говядина, жареные сердечки, жареный язык, жареный мозг, жареный...

— Я не буду есть! — резко прервал его Ань Гэн, выражая полное равнодушие.

Ань Тянь не сдавался:

— А если добавить к этому стакан ледяного пива? О, ты еще маленький, тебе нельзя пить. Тогда возьмем тебе колу, выпьешь залпом, ах... как же это освежает!

Ань Гэн молча смотрел на него.

— Вон в том месте на углу, я только что из окна посмотрел — народу полно. Пойдешь? — спросил Ань Тянь.

— ...Пойду! — скрепя сердце согласился Ань Гэн, не сумев устоять перед соблазном.

Придя в шумный ресторан с барбекю, Ань Тянь предложил Ань Гэну занять место за столиком на улице, а сам зашел внутрь, чтобы заказать кучу блюд, которые любил Ань Гэн, после чего вышел с двумя бутылками ледяного пива.

Он сел, открыл обе бутылки палочками и одну из них пододвинул Ань Гэну:

— Тайком выпей бутылочку, только маме не говори.

Ань Гэн без эмоций взял бутылку и залпом сделал большой глоток.

Ань Тянь посмотрел на него:

— Похоже, ты уже не раз тайком пил на стороне?

Ань Гэн пожал плечами и поставил бутылку на стол.

— Видимо, придется урезать тебе карманные деньги, — сказал Ань Тянь, тоже сделав глоток.

После этого он небрежно добавил:

— Слышал, тебе выговор выписали?

Как будто нарочно задел больное место. Настроение Ань Гэна, только начавшее улучшаться, снова пошло на спад.

Ань Тянь усмехнулся:

— Из-за этого расстроился?

— Нет, — ответил Ань Гэн.

— Тогда из-за чего?

Ань Гэн снова замолчал.

Ань Тянь сделал еще глоток и поставил бутылку:

— Может, потому что мама слишком благоволит к Моси, и ты ревнуешь?

Ань Гэн с отвращением воспринял слово «ревнуешь», от которого по коже побежали мурашки.

Он тут же возразил:

— Нет!

— Ну, нет так нет, — сказал Ань Тянь. — Но вот что я скажу в защиту твоей мамы.

Ань Гэн посмотрел на него.

Ань Тянь продолжил:

— Когда ты подрался с Моси, видел ли ты, чтобы мама хоть немного на него разозлилась? Весь ее гнев был направлен на тебя. Как думаешь, почему?

Ань Гэн скривился:

— Потому что он ее родной сын, а я подкидыш.

Ань Тянь стукнул его по лбу:

— Ты что, глупый?

Ань Гэн, прикрывая лоб, уставился на него.

— Именно потому, что ты ее сын, она и злится. Если бы это был кто-то другой, она бы так не разозлилась, — объяснил Ань Тянь. — Ты ее плоть и кровь, поэтому она к тебе строга. Почему она не злится на Моси? Потому что для нашей семьи он всего лишь чужой человек, разве можно его сравнивать с тобой?

Ань Гэн молчал, а Ань Тянь смотрел на него:

— Признаю, мама перегнула палку с выговором, но нельзя отрицать, что она хотела как лучше. Она пыталась заставить тебя задуматься, чтобы ты перестал так безрассудно поступать. Ты уже в старшей школе, ты взрослый, скоро будет выпускной. Думаешь, почему мама вдруг перешла в младшие классы? И еще в твой класс? Ей что, больше нечем заняться? Все ради тебя. Ради твоего светлого будущего она решила взять тебя в ежовые рукавицы в эти важные три года, чтобы ни у кого не осталось сожалений.

— Характер мамы тебе известен, она такая — резкая на язык, но добрая внутри. Выглядит суровой, но на самом деле очень мягкая. Она тебя любит, очень любит, просто пока не нашла правильный способ общаться с тобой и выражать свою любовь. Именно поэтому тебе нужно быть терпимее и не всегда настаивать на своем.

— Ты уже почти мужчина, должен понимать, как тяжело твоим родителям, понял?

— Кстати, у тебя с мамой одинаковый характер, оба упрямые, как ослы, вспыхиваете по любому поводу, никто не хочет уступать. Это просто головная боль.

Ань Тянь, который уже больше десяти лет выступал в роли миротворца, вдруг почувствовал себя самым несчастным, взял бутылку и сделал большой глоток.

В этот момент принесли заказ — большую порцию шашлыка, который еще дымился, распространяя аппетитный аромат.

Ань Тянь посмотрел на задумчивого Ань Гэна и сказал:

— Ладно, давай ешь. Поешь и иди спать, завтра рано вставать в школу.

Ань Гэн взял шампур, откусил кусок мяса и молча жевал.

Слова Ань Тяня не прошли даром, Ань Гэн все услышал, но так ничего и не сказал.

Ань Тянь, словно понимая его, не стал настаивать, и они продолжили есть, запивая мясо пивом.

Маленький узел в душе Ань Гэна чудесным образом развязался, его обида на Ван Цинь и на Ли Моси словно исчезла.

На самом деле, Ань Тянь с самого начала был прав — Ань Гэн действительно ревновал, ревновал к Ли Моси.

Ему не нравился этот человек, внезапно появившийся в их доме, который мгновенно забрал все внимание Ван Цинь.

Как бы Ань Гэн ни старался казаться равнодушным, как бы ни пытался выглядеть сильным, он все еще был ребенком, которому нужны забота и любовь матери.

С детства Ван Цинь всегда отличалась от других мам. Другие мамы провожали своих детей в школу, забирали их, каждый день готовили разные блюда, в выходные водили детей гулять, активно участвовали в школьных мероприятиях.

А Ван Цинь?

Ван Цинь, будучи классным руководителем, да еще и старших классов, каждый день приходила в школу рано, а уходила позже всех.

Поэтому, даже находясь в одной школе с Ань Гэном, она не могла провожать его или забирать, не говоря уже о школьных мероприятиях — ей хватало заботы о своем классе.

Кроме утреннего завтрака, состоящего из полуфабрикатов, она редко готовила дома. Если Ань Тянь был дома, он брал на себя обязанности повара, если его не было, то выбирали между рестораном внизу и доставкой.

Причина, по которой Ань Гэн с детства бунтовал, была банальной и простой — он хотел привлечь внимание Ван Цинь, чтобы она хоть немного обратила на него внимание.

Будь то отказ делать домашнее задание, прогулы или драки — все это было лишь способом доказать, что он все еще сын Ван Цинь, и что, что бы с ним ни случилось, она должна прийти и разобраться.

Но с возрастом их отношения становились все более натянутыми, трещина между ними углублялась.

Кто видел, чтобы подросток плакал и просил маму обнять? Со временем даже Ань Гэн забыл причину своего бунта, а враждебность и недовольство Ван Цинь стали привычкой,

повторяющейся каждый день.

Когда они возвращались домой после барбекю, Ань Тянь вдруг предложил не ехать на лифте, а подняться по лестнице.

— Ради тебя я съел два ужина, а я уже не молод, в отличие от вас, парней, которые едят, как свиньи, и не толстеют.

— Ну, давай поднимемся, — без возражений согласился Ань Гэн.

И они начали подниматься с первого этажа, цель — 23-й.

На седьмом этаже Ань Тянь уже не мог продолжать, тяжело дыша, он махнул рукой Ань Гэну:

— Передохнем, я больше не могу.

Ань Гэн тоже запыхался, он сел на ступеньку.

Ань Тянь сел рядом, тяжело дыша.

Ань Гэн отдохнул немного и снова был как огурчик, без признаков усталости.

В отличие от Ань Тяня, который все еще дышал, как бык.

— Кстати, забыл тебя спросить, — вдруг вспомнил Ань Тянь. — Кто победил в твоей драке с Моси?

Ань Гэн задумался:

— Ничья, наверное.

— Ого, что с тобой? Раньше ты бы даже при ничьей похвастался, что выиграл, — удивился Ань Тянь.

Ань Гэн потрогал живот, место, куда ударил Ли Моси, все еще слегка болело. Днем в комнате он поднял рубашку и увидел, что на животе образовался синяк, выглядевший устрашающе.

Вспоминая тот удар Ли Моси, он отметил, что тот был быстрым, точным и мощным, явно сделанным с опытом, и ударял он в нужное место.

<http://bllate.org/book/16736/1560749>